

Николай Михайлович Карамзин

**Приятные виды, надежды и
желания нынешнего времени**

Николай Михайлович Карамзин

Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени

«...Взор русского патриота, собрав приятные черты в нынешнем состоянии Европы, с удовольствием обращается на любезное отечество. Какой надежды не можем разделять с другими европейскими народами мы, осыпанные блеском славы и благотворениями человеколюбивого монарха? Никогда Россия столько не уважалась в политике, никогда ее величие не было так живо чувствуемо во всех землях, как ныне. Италиянская война доказала миру, что колосс России ужасен не только для соседов, но что рука его и вдали может достать и сокрушить неприятеля...»

**Николай Михайлович
Карамзин**

**Приятные виды, надежды и
желания нынешнего времени**

Все те, которые имеют счастье мыслить и судить беспристрастно, должны согласиться, что никакое время не обещало столько политического и нравственного благоденствия Европе, как наше. Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства; что, разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти; что самое турецкое правление лучше анархии, которая всегда бывает следствием государственных потрясений; что все смелые теории ума, который из кабинета хочет предписывать новые законы нравственному и политическому миру, должны остаться в книгах вместе с другими, более или менее любопытными произведениями остроумия; что учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума; что одно время и благая воля законных правительств должны исправить несовершенства

гражданских обществ; и что с сею доверенностию к действию времени и к мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и делать все возможное добро вокруг себя.

То есть Французская революция, грозившая испровергнуть все правительства, утвердила их. Если бедствия рода человеческого в каком-нибудь смысле могут назваться благодетельными, то сим благодеянием мы, конечно, обязаны революции. Теперь гражданские начальства крепки не только воинскою силою, но и внутренним убеждением разума.

С самой половины осьмого-надесять века все необыкновенные умы страстно желали великих перемен и новостей в учреждении обществ; все они были в некотором смысле врагами настоящего, теряясь в лестных мечтах воображения. Везде обнаруживалось какое-то внутреннее неудовольствие; люди скучали и жаловались от скуки; видели одно зло и не чувствовали цены блага. Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другие предсказали ее с разительною точностию; гром грянул во Франции... Мы видели издали

ужасы пожара, и всякий из нас возвратился домой благодарить небо за целостность крова нашего и быть рассудительным!

Теперь все лучшие умы стоят под знаменами властителей и готовы только способствовать успехам настоящего порядка вещей, не думая о новостях. Никогда согласие их не бывало столь явным, искренним и надежным.

С другой стороны, правительства чувствуют важность сего союза и общего мнения, нужду в любви народной, необходимость искоренить злоупотребления. Почти на всех тронах Европы видим юных государей, деятельных и ревностных к общему благу. Революция была злословием свободы: правительства, не хвалясь именем, дозволяют гражданам пользоваться всеми ее выгодами, согласными с основанием и порядком общества. Революция обещала равенство состояний: государи вместо сей химеры стараются, чтобы гражданин во всяком состоянии мог быть доволен; чтобы некоторое не было презрительным или угнетенным. Будем справедливы: где теперь добрый человек не может наслаждаться безопасностью? Свирепствует ли где-

нибудь тиранство в Европе, если исключим Турцию? Не везде ли обещают наукам покровительство? Не везде ли начальства желают способствовать успехам воспитания и просвещения, которое есть не только источник многих удовольствий в жизни, но и самой благородной нравственности; которое образует мудрых министров, достойных орудий правосудия, сынов отечества в семействах, рождая чувства патриотизма, чести, народной гордости; и без которого люди служат только одному идолу подлой корысти. Государи, вместо того чтобы осуждать рассудок на безмолвие, склоняют его на свою сторону. Будучи, так сказать, вне обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всех низких побуждений эгоизма, которые делают людей несправедливыми и даже злыми; наконец, имея все, они должны и могут чувствовать только одну потребность: *благотворить* и, смотря на всякого гражданина, думать: «Я заслужил любовь его!»

В самой литературе, которая столь сильно действует на умы, видим мы полезное следствие революции. Прежде сей эпохи всякая

дерзкая книга была модною: ныне, напротив того, писатели боятся оскорбить нравственность, ибо перед всяким жива картина бедствий, произведенных во Франции развратом; даже в самых дурных романах соблюдается какая-то благопристойность и уважение к святыне нравов: ибо сего требует счастливое расположение умов и сердец. Вольтер не мог бы ныне прославиться некоторыми насмешками, Буланже – педантством, Ламетри – безумием. Литература, более нежели когда-нибудь способствуя истинному просвещению, обратилась ныне к утверждению всех общественных связей.

Дружественный союз народов, благоприятствуя взаимному сообщению великих умов, подает справедливую надежду, что науки обогатятся еще открытиями новых феноменов или следствий, новых отношений любопытства к пользе, которая есть истинное совершенство учености. Науки физические еще далеки от своих крайних пределов; натура имеет много таинственного; время и опыты могут снять еще многие покровы и завесы на ее необозримой сцене... И не только физические

науки, но и самая мораль открывает обширное поле для новых соображений ко благу людей. Мы несравненно богаче древних идеями и знанием человеческого сердца; однако ж не истощили нравственных наблюдений и не всеми известными воспользовались для утверждения своих понятий о человеке и способах счастья, которое должно быть главною наукою человечества и которого не могут дать сердцу самые мудрейшие правительства: ибо оно есть дело судьбы, ума и характера.

Взор русского патриота, собрав приятные черты в нынешнем состоянии Европы, с удовольствием обращается на любезное отечество. Какой надежды не можем разделять с другими европейскими народами мы, осыпанные блеском славы и благодеяниями человеколюбивого монарха? Никогда Россия столько не уважалась в политике, никогда ее величие не было так живо чувствуемо во всех землях, как ныне. Италиянская война доказала миру, что колосс России ужасен не только для соседей, но что рука его и вдали может достать и сокрушить неприятеля. Когда другие

державы трепетали на своем основании, Россия возвышалась спокойно и величественно. Довольная своим пространством, естественными сокровищами и миллионами жителей, не имея ни в чем совместников, не желая ничьей гибели, не боясь никакой державы, не боясь даже и союзов против себя (ибо они не согласны с особенными выгодами государств в отношении к ней), она может презирать обыкновенные хитрости дипломатики и судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народов.

Главным, важнейшим благом в ее внутреннем состоянии назову я... нынешнее общее спокойствие сердец; оно всего дороже и милее; оно есть верное доказательство мудрости начальства в гражданском порядке. С другой стороны, друг людей и патриот с радостью видит, как свет ума более и более стесняет темную область невежества в России; как благородные, истинно человеческие идеи более и более действуют в умах; как рассудок утверждает права свои и как дух россиян возвышается. Не только в столицах, но и в самых отдаленных губерниях находим между благо-

родными достойных членов государства, знающих его потребности, судящих справедливо о людях и действиях. Наше среднее состояние успевает не только в искусстве торговли, но многие из купцов спорят с дворянами и в самых общественных сведениях. Кто из нас не имел случая удивляться их любопытству, здравому рассудку и патриотическим идеям? Они чувствуют более нежели когда-нибудь важность прав своих и никому не завидуют. Сельское трудолюбие награждается ныне щедрее прежнего в России, и чужестранные писатели, которые беспрестанно кричат, что земледельцы у нас несчастливы, удивились бы, если бы они могли видеть их возрастающую промышленность и богатство многих; видеть так называемых *рабов*, входящих в самые торговые предприятия, имеющих доверенность купечества и свято исполняющих свои коммерческие обязательства! Просвещение истребляет злоупотребление господской власти, которая и по самым нашим законам не есть тиранская и неограниченная. Российский дворянин дает нужную землю крестьянам своим, бывает их защитником в граждан-

ских отношениях, помощником в бедствиях случая и природы: вот его обязанности! За то он требует от них половины рабочих дней в неделе: вот его право![1]

Но патриотизм не должен ослеплять нас; любовь к отечеству есть действие ясного рас-судка, а не слепая страсть; и, жалея о тех лю-дях, которые смотрят на вещи только с дур-ной стороны, не видят никогда хорошего и вечно жалуется, мы не хотим впасть и в дру-гую крайность; не хотим уверять себя, что Россия находится уже на высочайшей степе-ни блага и совершенства. Нет, мудрое правле-ние наше тем счастливее, что оно может сде-лать еще много добра отечеству.

Например (не говоря о другом): каким ве-ликим делом украсится еще век Александров, когда исполнится монаршая воля его; когда будем иметь полное, методическое собрание гражданских законов, ясно и мудро написан-ных?[2] Я не удивляюсь (как некоторые), что законы Ярославовы ценили деньгами убий-ство и вооружали родственников убитого кинжалом мести; не удивляюсь, что «Судеб-ник» царя Иоанна велит решить сомнитель-

ные дела поединком; не удивляюсь, что в «Уложении» царя Алексея Михайловича нет философических сентенций и что законодатель не предвидел случаев нашего времени: ибо знаю, что все европейские народы в разные эпохи имели такие же несовершенные законы, как и мы. «Правда» Ярославова есть кодекс всех северных народов, разрушителей Римской империи и завоевателей Европы. «Судебник» Иоаннов ознаменован печатью средних веков, когда дух рыцарства и живая вера к праведным действиям неба ввели в законное обыкновение поединок. Авторы «Уложения» знали уже, как видно, Иустинианов кодекс, но имели у себя в виду единственно тогдашнее состояние России. Указы отца отечества, императрицы Анны, Елисаветы, особливо Екатерины Великой решат все важнейшие вопросы о *людях* и *вещах* в порядке гражданском: [3] нужна только философическая метода для расположения предметов; но совершение сего дела будет славно для монарха и государства. Метода и порядок заключают в себе какую-то особенную силу для разума, и судья, обнимая одним взором систему зако-

нов, удобнее впечатлевают их в душу свою. Тогда мы не позавидуем Фридрихову (вновь исправленному) кодексу; не позавидуем умному плану французского и пожалеем об англичанах, которых судилища беспрестанно запутываются в лабиринте несогласных установлений (writs), служащих им правилом. Великая Екатерина даровала нам систему политических уставов, определяющих права и отношения состояний к государству. Александр дарует нам систему гражданских законов, определяющих взаимные отношения граждан между собою. Тогда законоведение будет наукою всех россиян и войдет в систему общего воспитания.

Мы упомянули о воспитании: можно сказать, что дети у нас воспитываются лучше отцов своих; но сколько еще желаний и надежд, в рассуждении сего предмета, имеет в запасе патриотическое сердце? Каким общим нравственным правилам следуют родители в образовании детей своих? Много ли у нас характеров? И молодой человек с *решительным образом мыслей* не есть ли редкое явление? Давно называют свет бурным океаном: но

счастлив, кто плывет с компасом! А это дело воспитания. Родители, оставляя в наследство детям имение, должны присоединить к нему и наследство своих опытов, лучших идей и правил для счастья. Хорошо, если отец может поручить сына мудрому наставнику; еще лучше, когда он сам бывает его наставником: ибо натура дает отцу такие права на юное сердце, каких никто другой не имеет. Что мешает родителям заниматься детьми? По большей части светская рассеянность, действие полупросвещения в людях и в государствах. Взглянем на великих мужей, одаренных превосходными талантами ума: все они – не знаю, будет ли исключение, – все они, говорю, любят семейственные удовольствия. Взглянем и на самые народы: Англия есть, без сомнения, просвещеннейшая земля в Европе, и нигде люди не наслаждаются столько приятностями тихой домашней жизни, как в Англии. Просвещение ценит удовольствия и выбирает лучшие: а могут ли ничтожные светские забавы сравняться с нежными чувствами супруга и родителя, который, дав жизнь детям, дает им и мысли и чувства; ежедневно видит разви-

тие души их, веселится ими как своею милою собственностью и готовит свету *украшенные нравственные образы самого себя?* Совершенное просвещение находит средство наслаждаться временем, а несовершенное хочет только избавляться от него: дикий американец от скуки целый день качается на ветвях. – Европейец, презирая его невежество, от скуки бежит из дому – играть в карты! Дни летят, и он доволен; но с ними летит и жизнь – старость с болезнью приходит к нам в гости, и мы невольным образом должны наконец *поселиться дома*. Новые привычки тягостны накануне смерти! Нежный отец семейства не знает по крайней мере сей тягости; жив всегда дома, не имеет нужды привыкать в старости к кабинету, и на что ни взглянет вокруг себя, везде находит утешительные воспоминания; всякий бездушный предмет есть для него старый друг, приятно беседующий с ним о минувшем времени. И сколь неравное право на любовь и благодарность детей имеют два отца, из которых один сам воспитал их, а другой только нанимал учителей! Будет время, когда сия любовь и благодар-

ность составят для нас главное удовольствие в жизни: подумаем об нем заранее!.. Я говорил только о счастье заниматься воспитанием детей; но, с другой стороны, оно есть и долг гражданина, обязанного в семействе своем образовать достойных Сынов отечества. В республиках предписывались для того законы; родительская нежность считалась гражданским достоинством и правом на общественную благодарность: ибо нежный отец семейства есть всегда нежный сын отечества, с судьбою которого соединена участь детей его. – Наконец скажем, что без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы, институты и пансионы.

Любя жить дома, мы имели бы более способов заниматься не только воспитанием детей, но и хозяйством, которое заставило бы нас лучше соображать расходы с доходами. Безрассудная роскошь, следствие рассеянной жизни, вредна для государства и нравов. Человек, разоряясь, прибегает ко всем средствам спастись от бедности, и к самым незаконным; он скорее другого может притеснить своих крестьян и, питая гнусную алчность ро-

стовщиков, поневоле обманывать честных заимодавцев; доверенность истребляется, и невинный терпит за виновного. Мы нередко видим, что самые богатые люди живут в нужде от беспорядка в хозяйственных делах и неизвинительного мотовства. Вечеру великолепное освещение, огромная музыка, живописные Терпсихорины группы и на столе произведения всех частей мира; а на другой день низкие поклоны заимодавцам! Хотят удивить иностранцев; хотят дать им выгодную идею о нашем вкусе, уме, просвещении... Усердные любители отечественной славы! Россия увольняет вас от таких патриотических усилий, от пятидесяти *сюрпризов* в один вечер и даже от французских куплетов; она требует от вас одной рассудительности, честности, одних гражданских и семейственных добродетелей; требует, чтобы вы заставляли иностранцев удивляться не мотовству своему, а порядку в ваших идеях и домах: вот действие истинного просвещения! – Я послал бы всех роскошных людей на несколько времени в деревню, быть свидетелями трудных сельских работ и видеть, чего стоит каждый рубль

крестьянину: это могло бы излечить некоторых от суетной расточительности, платящей сто рублей за ананас для десерта. «Но богатством должно пользоваться?» Без сомнения. Во-первых, заплатите долги свои; во-вторых, приведите крестьян ваших, если можно, в лучшее состояние; а потом оставьте отечеству памятники вашей жизни. Сделайте что-нибудь долговременное и полезное; учредите школу, гошпиталь; будьте отцами бедных и превратите в них чувство зависти в чувство любви и благодарности; ободряйте земледелие, торговлю, промышленность; способствуйте удобному сообщению людей в государстве: пусть этот новый канал, соединяющий две реки, и сей каменный мост, благодеяние для проезжих, называется вашим именем! Тогда иностранец, видя столь мудрое употребление богатства, скажет: «Россияне умеют пользоваться жизнью и наслаждаться богатством!»

Дворянство есть душа и благородный образ всего народа. Я люблю вообразить себе российских дворян не только с мечом в руке, не только с весами Фемиды, но и с лаврами

Аполлона, с жезлом бога искусств, с символами богини земледелия. Слава и счастье отечества должны быть им особенно драгоценны; слава государств бывает различная, счастье их есть *сложное*. Не все могут быть воинами и судьями, но все могут служить отечеству. Герой разит неприятелей или хранит порядок внутренний, судья спасает невинность, отец образует детей, ученый распространяет круг сведений, богатый сооружает монументы благотворения, господин печется о своих подданных, владелец способствует успехам земледелия: все равно полезны государству. – Россияне одарены от природы всем, что возводит народы на высочайшую степень гражданского величия: умом и твердым мужеством. Мы спешим к цели – и, обращая взор на то место, где нашел россиян Петр, где нашла их Екатерина, смело надеемся, что между сею блестящею целию и нами скоро не будет уже ни одного европейского народа.

Не желаю быть мечтателем; но в царствование Александра могут ли добрые желания и патриотические надежды быть мечтами?

Комментарии

Российский дворянин дает нужную землю крестьянам своим... За то он требует от них половины рабочих дней в неделе... – Данное суждение красноречиво свидетельствует о приверженности Карамзина к интересам своего класса, о его помещичьем либерализме – требует «только» трехдневной барщины!

[^^^]

...когда будем иметь полное, методическое собрание гражданских законов, ясно и мудро написанных? – Речь идет о работе Комиссии по составлению законов, программу которой определил Александр специальным рескриптом. Комиссия работала под руководством П. В. Завадовского.

[^^^]

Указы отца отечества, императрицы Анны, Елисаветы, особливо Екатерины Великой решат все важнейшие вопросы о людях и вещах в порядке гражданском... – Считая в настоящих условиях самодержавие благодетельным, а крепостное право необходимым, Карамзин, естественно, не ждал от Комиссии издания принципиально новых законов, которые меняли бы политический и социальный уклад России, он полагал, что нужна только философическая метода для расположения предметов».

[^^^]